

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

Карева Андрея Александровича

о диссертации Ревзиной Юлии Евгеньевны

«Искусство фортификации в Европе и России от Ренессанса до

**Просвещения: идеи, образы, художественные проблемы»,
представленной на соискание ученой степени доктора искусствоведения
по специальности 17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное
искусство и архитектура**

Представленная на защиту работа Юлии Евгеньевны Ревзиной посвящена теме, которая по сложившейся традиции до сих пор находилась на периферии интересов классической истории архитектуры. В общих трудах искусство фортификации Нового времени в лучшем случае рассматривается в контексте проблематики градостроительства или как специфическая ветвь инженерного строительства. Автор справедливо отмечает отсутствие методологии исследования крепостного зодчества, равноценной общему уровню теории и истории архитектуры. Между тем без анализа и оценки данной ветви европейской архитектуры картина мирового искусства в совокупности идей, замыслов, технических и, конечно, художественных достижений будет далеко не полной. Все это, а также повышенный в последнее время интерес к сфере фортификации как к источнику архитектурных мотивов в церковном и гражданском строительстве предопределил *актуальность темы диссертационного исследования.*

Определение *цели исследования и постановку задач* предваряет обширная историография, отражающая глубокую осведомленность автора в характере, закономерностях и проблемах исследования искусства европейской фортификации от эпохи Ренессанса до наших дней. Раздел «Исследования» в библиографическом списке включает 284 наименования. Тщательно и полно проанализирована интернациональная источниковедческая база. В списке источников представлено 122 позиции.

Формулировка цели и разнообразие задач исследования настраивают читателя на серьезную работу с содержательным и информативным текстом, насыщенным примерами, детальной аналитикой, сравнительными характеристиками, обобщениями и выводами. Из характера постановки вопроса проистекает и *структура работы*. Необходимость многогранного исследования искусства европейской фортификации обусловила соответствующий сложносоставной подход, воспроизводящий ситуацию максимально полного, можно сказать, энциклопедического исследования. Первая и самая обширная глава погружает читателя в мир иконографии и типологии крепостного строительства, который разворачивается во времени от XVI до начала XIX столетия. При этом не забыты идеологическая составляющая, а также стилевая ситуация в европейском искусстве этого времени. Во второй главе на первый план выходят социологически окрашенные проблемы взаимодействия военного архитектора и заказчика, что не исключает обращения к вопросам иконологического плана, которые в полную силу востребованы в третьей, заключительной главе. Ее главной героиней становится символика. Таким образом, можно констатировать, что маршрут исследования строится по логике восхождения от детальной конкретики чуть ли не с эффектом тактильности в художественном анализе памятников архитектуры до буквально планетарного взгляда на объект.

Высокая степень обоснованности сформулированных в диссертации научных положений, выводов и рекомендаций достигается сочетанием глубокого погружения в материал с широким взглядом на проблематику европейской художественной культуры Нового времени. Правомерно и обращение к генезису явления в виде истории систем укрепления городов континента. Остроумное сопоставление перехода на рубеже XV–XVI вв. на бастионный тип крепости с обращением к античному наследию в области архитектуры и изобразительного искусства эпохи Возрождения убедительно подчеркивает радикальность изменений в искусстве фортификации. Непростая история новой системы рассматривается в тесной связи с

традицией противостояния наступательных и оборонительных концепций. Вряд ли случайно среди зачинателей оказывается фигура универсального мастера итальянского Возрождения, каковым был знаток античности, переводчик Витрувия живописец, архитектор и инженер Франческо ди Джорджо Мартини. В целом развернутая история фортификационных систем насыщена именами, в том числе и такими, как Леонардо да Винчи и Микеланджело. Однако оценка индивидуального вклада каждого не мешает главному: исследованию причин и обстоятельств становления, развития и кризиса той или иной системы. Причем детальный анализ крепости как союза «городских стен и артиллерии» органически сочетается с оценкой его как произведения архитектуры, созданного в соответствии с представлениями в эпоху Ренессанса об идеальном регулярно спланированном городе как символе божественного мироздания. Сопоставление «новой фортификации» с классическим ордером в контексте общего исследования имеет в данном случае методологическое, если не сказать стратегическое значение, поскольку позволяет рассматривать военные инженерные сооружения, зачастую лишенные следов ордерной системы, как органическую часть художественной культуры раннего этапа Нового времени.

Особенно любопытны линии связи фортификации и «гражданской» архитектуры, увиденные в творчестве Микеланджело, у которого занятия крепостным строительством стали своеобразной лабораторией поисков новых решений, нашедших воплощение в таких известных работах, как лестница вестибюля библиотеки Лауренцианы. В целом же, по мнению автора, периоды Высокого и Позднего Ренессанса были чрезвычайно плодотворны для усовершенствования «новой фортификации» и подготовки ее к экспансии на север от Альп. Как считает исследователь, в это время фортификация становится очевидным «уточнением» ответа «на качественный скачок в развитии осадной артиллерии» на рубеже XV–XVI вв. (с. 76.). В качестве примера приводятся венецианские укрепления, возведенные под руководством герцога Урбинского Франческо Марии I

делла Ровере. Предметом пристального внимания во втором разделе первой главы становятся поиски оптимальной композиции важных для обороны элементов крепости. В процессе этих поисков возник мотив совмещенных с кавальером ворот, воплощенный Микеле Санмикеле в Порта Нуова в Вероне. Отдельное внимание уделяется крепостному и, соответственно, городскому строительству в Венецианской республике, что объясняется и реальной политической ситуацией, связанной с турецкой угрозой. Она же спровоцировала, по мнению автора, своеобразный трактатный «бум» в Италии в области архитектуры и фортификации.

Отдав должное авторитетности итальянской модели развития фортификации, автор немало внимания уделяет немецкой, голландской и французской школам. Отмечается, что свои варианты крепости предлагают наиболее активные авторы Северного Возрождения, такие как Альбрехт Дюрер и Даниэле Шпекле. Стала набирать силу и так называемая «старая голландская система», для которой характерна дешевизна материалов и значимость внешнего пояса укреплений. Под ее воздействием сформировался Себастьян Ле Претр де Вобан – одна из центральных фигур в области бастионной фортификации Европы XVII века. К нему восходит и воспринятая через Ван Кухорна, а также шведских архитекторов традиция бастионного крепостного строительства в России XVIII столетия. Включение российского фортификационного опыта Нового времени в европейский контекст – одна из самых существенных заслуг автора диссертации.

Не менее красноречиво показан кризис бастионного типа, повышение авторитета прусского тенального фронта и победа новых тенденций, благодаря усилиям французского военного инженера маркиза Де Монталамбера. Наступала эпоха «перпендикулярной фортификации», усиления значимости артиллерии и культа капониров, оснащенных несколькими рядами амбразур. Усилилась и роль независимой оборонительной единицы. Здесь очень наглядно показан путь к оснащению крепости кольцом небольших фортов. Любопытно сравнение пластики их

угрожающих фасадов с мегаломанией Э.-Л. Булле и К.-Н. Леду, а внутреннего пространства – с образами темниц Пиранези. Логически это привело автора к размышлениям о генетической связи фортификации и некоторых типов тюрьмы и госпиталя.

Вполне естественно выглядит обращение в диссертации к главным действующим лицам подробно изложенной истории военной архитектуры, то есть к заказчику и зодчему, которые рассматриваются в их взаимодействии. В соответствии с логикой развития специализации в художественной культуре Нового времени выстраивается убедительный алгоритм трансформации «универсального архитектора» в военного инженера.

Естественным образом в поле внимания исследователя попадает и метод работы военного архитектора. В проектировании он был тесно связан с современной общей архитектурной практикой созданием рисунков, чертежей, моделей. Однако была и своя специфика, которая сказалась, прежде всего, в необходимом учете таких факторов, как столкновение противоположных намерений осаждающих и обороняющихся. Особенностью фортификационных проектов был и предпочтительный интерес к планам и профилям. Важнейшей наукой для военного зодчего становится математика, поскольку, как сказано в диссертации, в это время считалось, что «геометрическая безупречность периметра является залогом эффективной обороны» (с. 287). Как и в военном деле, существенную роль в образовании военного архитектора играла география. Не случайно в работе приводятся примеры участия строителей крепостей в составлении географических атласов. Образуется и специфическая сфера учебной и теоретической литературы, посвященной задачам фортификации. В этой связи анализируется деятельность Королевской школы военных инженеров в Мезьере, Академии военных инженеров в Вене, шведской Королевской военной академии в Карлсберге, рассматривается программа Теоретической Школы артиллерии и фортификации в Пьемонте, выявляются основные этапы сложения системы обучения военных инженеров в России XVIII века.

Отдельное внимание в контексте исследования взаимоотношений заказчика и архитектора уделяется образу государя. Именно он, а не мастер, имеет право на воспроизведение с проектом крепости в виде чертежа или модели. Помимо иконографической традиции изображения патрона города здесь наблюдается и специфическая репрезентация власти. Обратившись к «Трактату об архитектуре» Антонио Аверлино и другим источникам, автор приходит к выводу, что в таких изображениях заложена идея государя-архитектора, включающая разнообразные грани смысла, в том числе и связанные с проблемой авторства той или иной постройки. Далее эта мысль получает развитие в теме «Крепость как символ власти», содержащей ссылку на традицию уподобления дворцов правителей фортификационному сооружению.

Завершает основную часть диссертации рассмотрение проблематики фортификации XVI-XVIII веков в ее отношении к территории. Справедливо связывая символику пейзажа в живописи с коннотациями в области картографии, автор вскрывает те смысловые пласты образа крепости, которые указывают на глобальный контекст военной архитектуры, представляющей своего рода модель упорядоченного мира. В этом плане географические координаты служат звеном связи правильной геометрии фортификаций с освоенной человеческим сознанием территорией планеты.

Практическим результатом такого рода мышления становится формирование в рассматриваемую эпоху целых комплексов оборонительных механизмов, порой выходящих за границы одного государства. Как яркий пример приводится глобальная цепь укреплений вокруг Османской империи, включавшая и ряд российских крепостей.

В поле зрения автора попадает еще один глобальный контекст искусства фортификации, а именно – место ее в системе средств контроля над временем и пространством. Здесь большое значение имела географическая карта как земной мир на стене или на столе. Его можно было охватить одним взглядом и мысленно совершить за несколько минут

кругосветное путешествие. В этой связи, автор уместно в пример приводит Гулливера, который совершает путешествие по карте, расстеленной у него под ногами.

В целом же весомым результатом исследования является масштабная научная реконструкция одного из важнейших явлений мировой культуры, которое возникло на стыке точных наук, военного дела и архитектуры. Искусство европейской фортификации Нового времени представлено в глобальном контексте взаимосвязанных идей, исторических событий, конкретной художественной практики.

Достоверность и новизна представленных на защиту научных положений, выводов и рекомендаций не вызывает сомнения. Огромный объем публикаций, фактов, документов, произведений, положенный в основу исследования убедительно свидетельствует об обоснованности научных положений, выдвигаемых в диссертации. В работе впервые дается многогранная научно обоснованная характеристика и профессиональная оценка европейского искусства фортификации раннего Нового времени на основе обширного, по большей части впервые с этой целью использованного фактического материала, в том числе трактатов по архитектуре и фортификации, документальных свидетельств процесса проектирования, строительства и функционирования крепостных сооружений. Существенная часть самих памятников впервые рассматривается в контексте искусствоведческой проблематики. Убедительные выводы ценны также указанием на перспективы дальнейшей разработки темы.

Личный вклад соискателя в научную разработку проблемы подтверждается историей исследования темы, нашедшей отражение в списке публикаций. По теме диссертации автором опубликованы более 50 работ, в том числе 3 монографии, 23 статьи в журналах, входящих в список ВАК и международные базы данных Scopus и 11 Web of Science, публикации в других рецензируемых изданиях, материалы международных и всероссийских конференций.

Отмечая масштабность и научную ценность завершеного исследования, позволю себе несколько пожеланий и замечаний дискуссионного характера.

Как уже отмечалось, в работе российский опыт военного строительства очень точно и тонко включается в общеевропейский контекст. В известном противоречии к этому находится название второго раздела третьей главы: «Формирование территориальных “оборонительных механизмов” в Европе и России XVI–XVIII вв.» Получается, что русская художественная культура Нового времени существует отдельно, тогда как она является неотъемлемой частью европейской культуры. Еще в начале XX века А.Н. Бенуа утверждал, что русское искусство Нового времени, носит общеевропейский характер.

В столь сложно построенном научном труде со структурой, отражающей многоаспектность исследования, повторы информации, в том числе и об авторах фортификаций, неизбежны. И все же хотелось, чтобы их было по возможности меньше.

В очень полезном для читателя словаре терминов фортификации, на мой взгляд, не хватает указания на иностранный «оригинал» слова.

Эти замечания, разумеется, несколько не влияют на высокую оценку качества работы, представляющей собой весомый вклад в науку.

В заключение отметим, что диссертационное исследование Ю.Е. Ревзиной обладает последовательной композиционной структурой, позволяющей раскрыть поставленную проблему. Автор убедительно доказывает гипотезу, основываясь на современной методологии, что свидетельствует о высоком уровне научной подготовки и кругозоре соискателя. Положения и выводы диссертации подтверждены научной аргументацией и эмпирическими наблюдениями, что свидетельствует о достоверности результатов, которые опубликованы в рецензируемых журналах из перечня ВАК и представлены на международных и всероссийских конференциях.

Обозначенные выше характеристики и оценки основных результатов исследования дают основание утверждать, что диссертация «Искусство фортификации в Европе и России от Ренессанса до Просвещения: идеи, образы, художественные проблемы» по критериям научно-теоретической и практической значимости, новизны и обоснованности отвечает всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям (пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней»), а ее автор – Юлия Евгеньевна Ревзина заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора искусствоведения по специальности 17.00.04 – Изобразительное и прикладное искусство и архитектура.

Доктор искусствоведения, профессор,
профессор кафедры истории отечественного искусства
исторического факультета ФГБОУВО «Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова»

Карев Андрей Александрович

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова»

119991, Ленинские горы, д. 1, Москва, Российская Федерация,

Тел. 8(495)9392684

Email: faculty@hist.msu.ru

Web: http://www.hist.msu.ru

